

**ДОРОФЕЕВА Н. Н. — ПЕШКОВОЙ Е. П.,
в ОГПУ, ВИНАВЕРУ Е. П.
О ДОРОФЕЕВОЙ Н. Н. — ПЕШКОВОЙ Е. П.**

ДОРОФЕЕВА Наталья Николаевна, родилась в 1876. Окончила гимназию, служила домашней наставницей. В 1900-е — свободная художница. В 1920-е — проживала в Ленинграде, работала в учреждении. 28 февраля 1930 — арестована по групповому делу, в августе приговорена к 3 годам ИТЛ и в октябре отправлена в Соловецкий лагерь особого назначения: находилась в инвалидной команде, три месяца лежала в лазарете. В середине апреля 1931 — актирована и досрочно освобождена из концлагеря с высылкой в Северный край и 30 апреля прибыла в Котлас. 21 июля 1931 — обратилась за помощью к Е. П. Пешковой.

«21/VII-31 г<ода>».

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

От о<тца> Леонида¹ я узнала, что он решился написать Вам о моем тяжком, отчаянном положении. Очевидно, у него доброе сердце, я ему благодарна очень и ободренная этим и сама решаюсь побеспокоить Вас. Я знаю, как Вы заняты, но уделите мне несколько минут сейчас! Из письма о<тца> Леонида, я думаю, Вы уже знаете и о моих болезнях, и о годах, и о полной нищете и одиночестве. Я же горячо прошу Вас понять, есть ли основания для такого страдания и, если возможно, помочь спастись от него.

Я отбыла ½ срока, и единственным спасением было бы возвращение меня в Ленинград, где благодаря тому, что это мой родной город, у меня есть старинные знакомые, кот<орые>, вследствие нужды, лишены возможности помочь мне сейчас, но могли бы дать мне угол и поделиться чем-либо от стола за какие-нибудь маленькие мои услуги. Между тем, для приговора, кот<орый> явился для меня медленной смерт<ной> казнь, не было никаких оснований. Арестованная 28 февраля (1930 г<ода>), я была допрошена (и то после настоятельного заявления) единственный раз 17 марта кратким, в несколько минут допросом. Мне были названы 4-5 лиц, кот<орых> я не только не знала, но и фамилий их не слыхала. Только одна женщина была моей случайной "уличной" знакомой, и следователь сказал, что она показала, что я в разговоре с ней "ругала Сов<етскую> Власть". Я просила объяснить мне серьезно, в чем "дело", и мое к нему отношение, но следователь заторопился, обещав мне, что "завтра" он вызовет меня, обстоятельно поговорить и, вероятно, отпустит. Но этого "автра" не последовало никогда. Я просидела в Д<оме> П<редварительного> З<аключения> 7 месяцев, подала 7 заявлений о допросе и, прося хоть познакомиться меня, в чем дело, но безрезультатно. Вызвана была лишь

---

¹ Имеется в виду католический священник Федоров Леонид Иванович. Родился в 1879 в СПб. Учился 3 курса в Духовной Академии. 31 июля 1902 — воссоединился с Католической Церковью. В 1907 — окончил Папскую коллегию и университет во Фрейбурге, с 1909 — ректор и профессор духовной семинарии ордена студитов во Львове, затем в Стамбуле. 25 марта 1911 — рукоположен во иерея, с 1912 — монах Леонтий. В 1914 — вернулся в Петроград, выслан в Тобольск под строгий надзор полиции. В марте 1917 — освобожден, служил в церкви русских католиков в Петрограде, с февраля 1921 — экзарх. 23 февраля 1923 — арестован, 26 марта приговорен к 10 годам тюрьмы: заключен в Лефортовскую и Сокольническую. 26 апреля 1926 — освобожден с ограничением проживания на 3 года (-6.). Поселился в Калуге. 10 августа 1926 — арестован, 18 сентября приговорен к 3 годам концлагеря и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. 8 августа 1929 — освобожден и выслан в Пинегу Архангельского округа. В декабре 1933 — освобожден с ограничением проживания на 3 года (-12). Поселился в Вятке. 7 марта 1935 — скончался.

через неск<олько> месяцев для подписания "предъявленной статьи" (опять-таки без допроса) и тогда узнала, что ст<атья> моя 58 п<ункт> 11 — значит принадлежность к какой-то организации и тут упоминалось о "сношениях с границей и эмиграцией". У меня же за границей нет буквально никого, ни родных, ни знакомых и за все время Сов<етской> Власти я не написала туда ни единого письма. К организациям же, к группам ни к каким никогда не принадлежала. В конце 7-го мес<яца> дежурный надзиратель вызвал меня из общей камеры на площадку лестницы и прочел приговор о 3-х годах заключения в конц<ентрационный> лагере! Т<ак> к<ак> я все еще ждала, что показания будут проверены, допрошены свидетели, даны очные ставки, приведено какое-нибудь серьезное основание, и я познакомлена с делом, но потрясение, кот<орое> я тогда испытала, — явилось источником новых серьезных болезней. В Соловецких лагерях я после 6-ти мес<яцев> (из них 3 в лазарете), пройдя после лазарета еще два раза мед<ицинские> комиссии, была досрочно освобождена и отправлена на высылку в г<ород> Котлас, где и нахожусь третий месяц.

По происхождению, я действительно пролетарка, отец почти 50 лет был преподавателем математики — и в юности знала только нужду и труд. И отец и мать очень пострадали при старой власти (боюсь Вас задерживать рассказами всего, пережитого мною), благодаря этому с детства у меня не было решительно никаких причин быть когда-либо в чем-либо против Сов<етской> Власти, и мне не смогли бы никогда привести ни одного факта в этом отношении!

М<ожет> б<ыть>, мне следовало бы подать на пересмотр, но я не знаю: ведь тут п<ункт> 11, и замешаны какие-то лица, мне неизвестные. Не знаю, как быть? Пока я решила написать в "Отдел частных амнистий" и 12-го июля послала заявление на основании болезней, старости и тяжелого матер<иального> положения, а так же ½ срока.

Екатерина Павловна! Не откажите протянуть руку помощи, примите участие! Ведь я погибаю. За что же? М<ожет> б<ыть>, Вы смогли бы узнать, не пропало ли мое заявление и может ли оно иметь результат? Или уже подавать на пересмотр?

Адрес мой: г<ород> Котлас (Северо-Донского округа), улица Ленина, д<ом> 17.

Но я просила бы Вас для надежности, если Вы удостоите меня каким-либо ответом, послать его "до востребования"!

Простите и помогите!

Дорофеева Наталия Николаевна².

На письме — помета рукой Е. П. Пешковой:

«Отв<етить,> чтоб прислала заявл<ение> о доср<очном> осв<обождении.> По получении использовать материал письма. Е.П. 19/VIII-31».

В конце августа 1931 — Наталия Николаевна Дорофеева обратилась с заявлением в ОГПУ.

<25 августа 1931>

«Дорофеевой Наталии Николаевны

Заявление

Обращаюсь с ходатайством о досрочном освобождении и

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 638. С. 320. Автограф.

возвращении в Ленинград вследствие своего отчаянного положения, которое превратилось уже в медленную смертную казнь.

Мне 55 лет (без 4-х мес<яцев>), по характеру и серьезности болезней я совершенно неработоспособна, одинока и до нищеты неимущая.

Отбыла ½ срока.

Статья мне дана 58 п<ункт> 11 (хотя я, кроме одной случайной "шапочной", знакомой никого из осужденных по этому неведомому мне делу не только не встречала, но и фамилий их не знала). Приговор 3 года концлагеря. В приговоре, который мне на лестнице Д<ома> П<редварительного> З<аключения>, где я была в заключении, был прочтен дежурным, упоминалось о загранице, но у меня там не было никого ни родных, ни знакомых, и за все время Советской Власти я не написала туда ни одного письма.

Арестована я на дому в Ленинграде 28 февраля 1930 г<ода>.

В Соловецких концлагерях я пробыла с 6-го октября 1930 г<ода> 6½ мес<яцев>. Из них 3 мес<яца> в лазарете — больной и 2½ мес<яца> в инвалидной команде и, пройдя, кроме лазаретной, еще две Комиссии медицинского осмотра, была активирована и досрочно освобождена из концлагеря с высылкой в Северный Край, где я нахожусь с 30 апреля 1931 г<ода> в гор<од> Котласе.

Здесь я нажила еще новые болезни, как склероз сосудов мозга и острый катар всего желудочно-кишечного тракта, что при активированных еще в концлагере между другими болезнями <...>³ и при буквальной голодовке (при нищете я имею возможность питаться лишь хлебом, а от него боли), является уже невыносимым и смертельным страданием.

Прошу разрешить мне скорее, (для меня действительно "промедление времени смерти безвозвратной подобно"), возвращение в Ленинград, т<ак> к<ак> только там я могла бы быть избавлена от мук голодной смерти. Это мой родной город и, благодаря старым знакомым, я могла бы иметь угол и пропитание. Помочь же сюда ни деньгами, ни посылками они не могут по бедности.

Добавлю, что по происхождению я действительно настоящая пролетарка. Отец, по происхождению из крестьян, был учителем математики, за "вольномыслие" очень пострадал, и мы сильно нуждались. Мать страдала из-за прежнего бесправия женщины и законов о разводе, благодаря чему я "бумажного" номинального отца своего никогда не видала, а настоящий мой отец, воспитывавший меня, считался "незаконным". С детства я знала горе, нужду и против Советской власти и в помыслах-то ничего иметь не могла.

25/VIII-31 г<ода>.

г<ород> Котлас, М<алая> Ленинская ул<ица>, д<ом> № 17»⁴.

В октябре 1931 — Наталия Николаевна Дорофеева обратилась за помощью к М. Л. Винаверу.

<3 октября 1931>

«З/Х-31 г<ода>. Котлас. М. Ленинградская д. 17.

Глубокоуважаемый Михаил Львович.

Получив Вашу открытку от 26/IX за № 14606, я пришла в полное отчаяние. Очевидно, или пропадают мои бумаги к Вам, или происходит какое-то столь долговременное (почти 3 мес<яца>) недоразумение, что оно мне грозит очень печальным концом. С середины июля я прекрасно знаю, что Пол<итическая> Пом<ощь> не сносится с Отд<елом>

³ Идет перечисление многих болезней.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 638. С. 329. Автограф.

Частн<ых> Амнистий. Писала я туда задолго до обращения к Вам относительно моего положения Л<еонида> Ив<ановича> Федорова. После письма же Эк<атерины> Павл<овны> от 21/VIII и по ее же указанию я написала заявление вовсе не в Отд<ел> Амн<истий>, а в Моск<овское> ОГПУ, и не об амнистии, а о досрочном освобождении. Куда же они пропали, если Вы снова через 1½ мес<яца> по их отправке (они были посланы заказным) извещаете меня опять о том же, об отд<еле> Амн<истий>, что я без того знаю с июля. Мои заявления о досрочном освобождении в ОГПУ были посланы в двух экземплярах. В одном я касалась сути дела и, хотя мимоходом, но неправильностей следствия, во втором только просила, мотивируя старостью (55 л<ет>), тяжкими, опасными болезнями, полным одиночеством и нищетой. Посылала оба экземпляра на Ваш выбор, — какое Вы признаете лучшим для передачи. Адресованы они были на имя Эк<актери-ны> Павл<овны>. Первая строчка была оставлена свободной, т<а>к к<а>к я не знала, можно ли обращаться только в ОГПУ, не именуя Коллегию, и думала, что правильный заголовок поставите Вы. Значит, это все пропало?! И до Вас не дошло?! Но тогда, какой же способ сообщаться? Я думала, что они с конца августа уже переданы по назначению, что делу дан хоть какой-нибудь ход, и жила ожиданием от Вас обещанного извещения о результате. И вдруг через месяц получаю это Ваше письмо опять о тех же амнистиях и вижу, что, очевидно, мои бумаги не доходят до Вас.

Мне простительно впасть в отчаяние. Для меня, действительно, "промедление времени смерти без возврата подобно". С середины июля я буквально голодаю, живу случайными крохами — милостыней сочувствующих людей, кот<орые> и сами здесь нуждаются, а никаких продуктов, никакой помощи не получаю. За угол платить нечем, лекарство, облегчающее хоть немного страшные физические страдания, купить не на что, ни рубля не имею. Заработка посильного и по специальности найти здесь невозможно. Ведь это же медленная, мучительная, смертная казнь. Болезни усиливаются при этой жизни так, что скоро будет поздно. На этих же основаниях я недавно обращалась в здешний отд<ел> ОГПУ (опер-сектор) и просила разрешить мне переехать в г<ород> Вологду, где я могла бы: 1) получить серьезную медицинскую помощь и больничное лечение, а здесь я ее не имею, 2) найти посильный заработок по специальности, чего в Котласе тоже нет. Одновременно с подачей заявл<ения> в опер-сектор я написала 16-го сент<ября> (послала опять заказным) письмо Эк<атерин-е> Павл<овне>, просила поддержать мое ходатайство о Вологде (через Архангельск или Москву) и спрашивала, переданы ли мои ходатайства о досрочном освобождении. В ответ получаю вашу открытку опять об отд<е-ле> амн<истий>, из чего убеждаюсь, что и это не дошло. Как же быть?! А я уже успела на этих днях получить от здешнего опер-сектора относительно Вологды — отказ. Я буквально погибаю, и все мои попытки спастись ни к чему не приводят.

Очень прошу Вас, если вы не пренебрежете мной, не откладывая, ответить мне теперь, что же мне делать?!

Дорофеева Наталия Николаевна.

Прошу простить за плохое письмо, но я очень больна, писать трудно, и надо торопиться и торопиться»⁵.

До весны 1932 — Наталья Николаевна не раз просила помощи Помполита⁶, благодаря ходатайству юридического отдела Помполита была досрочно освобождена из ссылки и вернулась в Ленинград. 22

⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 638. С. 305-306. Автограф.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1: Д. 661. С. 162-163; Д. 767. С. 28-61; Д. 925. С. 72-96.

марта 1935 — вновь арестована и выслана из Ленинграда в Вологду на 5 лет. В апреле 1935 — она вновь просила помощи Е. П. Пешковой.

<7 апреля 1935>

«7/IV-35 г<ода>».

Глубокоуважаемая и дорогая Екатерина Павловна! Думала ли я, что через 2 года мне опять придется беспокоить Вас, искать только в Вас спасения, и просить Вашего заступничества!

Предполагаю, что за эти почти два года за массой дел и имен Вы позабыли меня, я напомню Вам о себе хоть немного, чтобы не излагать сущность моего тогдашнего "дела" (если только сплошное "недоразумение" можно так громко назвать). Помимо нашей личной переписки, Вам много писал обо мне Леонид Иван<ович> Федоров (экзарх), с кот<орым> мы были одновременно в ссылке в Котласе, а еще Вам лично обо мне говорила не раз Ел<изавета> Ник<олаевна> Щелкан, когда она вернулась в Москву, она мне об этом писала (Где-то они оба теперь?). Вы и Мих<аил> Львович приняли тогда такое горячее участие в моей злосчастной доле и буквально спасли меня! Я получила тогда (в 33-м году) в "чистую", и мне дали даже направление на мой родной город Ленинград.

При моих мучительных тяжких болезнях на 59-ом году я могла жить только там, где и родилась, и училась, и трудилась, где у меня старинные друзья, где я всегда могла найти случайный заработок, и где за небольшие услуги мне друзья могли дать тарелку супа. Но в Ленинград я попала в 33-ем году в период яростной паспортизации, и опять только благодаря Вам и Мих<аилу> Львовичу я получила тогда после мытарств там паспорт. Казалось, страданиям наступил конец, но нет — это только коротеньки каникулы были!

Теперь новая и еще горшая беда, Екатерина Павловны! В Вас все спасение! Помогите, добрая, незабвенная!

Теперь меня выгнали из Л<енинграда> буквально без малейшего основания и обрекли на голодную смерть без крова здесь в Вологде. Дело в том, что я жила у Ольги Вас<ильевны> Ротштейн, кот<орая> помогала мне и в ссылке и кот<орая> по состраданию приютила меня тогда же, когда я вернулась из ссылки, на своей жилплощади. Но она дочь генерала, и хотя он умер 50 лет назад, и она всю жизнь тоже работала (ей сейчас без одного 70 лет) ее, как таковую, выслали, а вместе с ней, только "за компанию", и меня.

Когда пришли к ней с обыском (теперь обыск у всех высылаемых), то на меня не было никакого ордера, и я не была даже упомянута, Но обыск был произведен, конечно, и у меня. Буквально ничего ни у нее, ни у меня взято не было, только портрет ее отца в генер<альской> форме, тем не менее ее взяли на Нижегородскую и через день дали приказ выехать в трехдневный срок, сказав, что ни в чем ее не обвиняют, а вместе с ней, как одну семью (а между тем я даже никогда и в Жакте не считалась ее иждивенкой, и О<льга> В<асильевна> платила поэтому "излишки", что я была "временной жилищкой" без площади), на одном бланке и меня. Жакт именно не признавал меня иждивенкой, как не родственницу. Высылают за происхождение, и с этой стороны я никак ссылке не подлежу. Отец мой — учитель математике и по происхождению из крестьян Рязанской губ<ернии>. Никакой собственности у нас не было, я с 16-ти лет, еще учась, стала зарабатывать, и мы всегда нуждались. По старому "Весь Петроград", по кот<орому> теперь наводят справки, и где О<льга> В<асильевна> значит "дочь генерала", я всегда значилась самостоятельно, не как чья-то дочь, а или "дом<ашняя> наставница" (Вы знаете, это педаг<огический> класс при золотой медали) или по своему

артистическому образованию "своб<одной> художницей". Замужем я не была.

Каким образом я стала вдруг иждивенкой, когда никогда таковой не признавалась, не на основании же слов О<льги> В<асильевны>, что она мне помогала, чем могла! Теперь здесь она мне уж буквально ничем помочь не может, ей пришлось побросать все имущество (что же можно сделать в три дня!) и обнищать совершенно. Заработка здесь ей не найти, и я для нее непомерный груз и мученье, она сама обречена на голод.

Дорогие Екатерина Павловна и Михаил Львович! Спасите! Где же правда? За что? На каком основании обрекать на такую муку! Ведь смерть не идет, а страдание без меры! Отзовитесь по-прежнему! Похлопочите, молю Вас! Буду считать часы до Вашего ответа, вся надежда на Вас!

Наталия Дорофеева.

Р. С. Простите Вашим чутким сердцем, если м<ожет> б<ыть> бестолково и неразборчиво пишу, рука дрожит и мысли мутятся! Если что неясно — спросите, я тотчас поясню, если чего не договорила, но старалась яснее писать.

Ведь то, что я была два года назад в ссылке (ст<атья> 58-11) — тоже сейчас не основание, я ведь получила в "чистую", и никого за это сейчас не высылают. Я знаю несколько человек, отбывших лагеря и ссылки, и их не выселили и не тронули.

Адрес: Вологда. Вокзал-Почта. До востребования. Наталии Николаевне Дорофеевой.

Р. Р. С. Если дело в жилплощади (освобожденные жилплощади считаются за НКВД), то мне ее не будет нужно. В Л<енинграде> меня примут знакомые на своей.

Меня даже повесткой не вызывали и не опрашивали совсем, а сочли просто "заодно". Между тем, 1 год и 8 мес<яцев> я жила как "врем<енная> жилища", и Жакт не признавал меня иждивенкой, как потому, что я не родственница, так и потому, что при 40 р<ублей> пенсии О<льга> В<асильевна> не могла никого иметь на иждивении. А тут вдруг оказалась таковой для ссылки! Что же это такое?! Спасите, дорогая, добрая, выясните это, похлопочите! Ведь без Вашего участия останется непосильное мученичество!»⁷

В мае 1935 — она обратилась за помощью и к Михаилу Львовичу Винаверу.

<14 мая 1935>

«Глубокоуважаемый Михаил Львович!

К письму от 3 мая спешу известить Вас (думаю, что это надо), что сегодня 15-го мая нам сказали, наконец, что мы высланы (очевидно, пришли наши "дела"). Я и не имею отдельного дела, а при Ольге Вас<ильевне> Ротштейн, причем, получается весьма оригинальный заколдованный круг. Как Вы уже знаете, я выслана только как ее иждивенка ("которой совсем не была, а жила лишь как временная жиличка", что м<ожет> б<ыть> доказано по книгам Дом<ового> Треста: 3-е Хозяйство Треста Комму<альных> домов; дом № 33 по Фонтанке, кв. 90), а гр<ажданка> Ротштейн вменяется в вину не только ее отец-генерал и ее дворянство, но и то, что она взяла на иждивение меня. Повторяю, я таковой не была, но принципиально: какая же вина взять на иждив<ение> или просто помочь старому больному тяжелыми болезнями

⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1341. С. 109-110. Автограф.

беспомощному человеку с законным обыкновенным паспортом и обладающему всеми правами!? Затем тут же еще сюрприз: сказано, что я обвинялась в шпионаже! Откуда это! Когда это было? Никогда и не слыхала! У меня была ст<атья> 58 п<ункт>11 и никакого шпионажа не было (и быть не могло). Ведь это тоже можно проверить. Да и вообще, все это дело было сплошным недоразумением, и не зря я получила и восстановление прав, и паспорт при паспортизации в Ленинграде.

Что же это такое, добрый, дорогой Михаил Львович, помогите, как помогали раньше, спасите! Ведь Вы знаете из того моего письма к Вам (с приложением заявлений) и первого подробного письма к Екатерине Павловне, на кот<орое> Вы мне отвечали, как я мучительно здесь погибаю и уж действительно ни за что.

Вперед благодарю Вас за все Ваше участие, которое знаю по прошлому.

Наталия Дорофеева

15/V.

P. S. На мое письмо мне от 3 мая я все поджидала от Вас ответа, не надо ли Вам добавить каких-либо документов, хотя это и оч<ень> трудно отсюда сделать, но все же постараюсь, если Вы не откажетесь написать, что именно нужно.

В деле Ротштейн сказано, что это постановление Особого Совещания при НКВД от 14/III-35 г<ода>.

Адрес: Вологда, почта, до востребования, Нат<алье> Ник<олаевне> Дорофеевой.

P.S.S. Еще совсем недавно (я знаю меньше года назад) людям, находившимся в тюрьме, в ссылке, в к<онцентрационном> лагере, могли помогать безнаказанно, и разрешалось это вполне законно, а теперь вменяют в преступление и высылают минус 15 за то, "временной жиличкой" жила когда-то бывшая на высылке и восстановленная во всех правах.

А другие, значит, наказываются вторично (дважды за одно и то же) после того, как им дали своб<одное> проживание на всей территории СССР, восстановили в правах и вновь они ни в чем не провинились и их буквально ни в чем не обвиняют. В числе этих других и я. Или я одна, я исключение? По каким же это новым законам? Ведь при Совет<ской> Власти этого не было никогда. Очень Прошу, Михаил Львович, объясните, что это такое? Как же быть?!»⁸

В августе 1935 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась Ольга Васильевна Ротштейн⁹, вместе с Натальей Николаевной Дорофеевой выслана из Ленинграда в Вологду.

<12 августа 1935>

«12/VIII 35.

Многоуважаемая Екатерина Павловна

22 марта этого года мне вместе с проживавшими при мне сестрой моей А. В. Ротштейн и врем<енной> жилицей Н. Н. Дорофеевой, пришлось выехать из Ленинграда в г<ород> Вологду согласно постановления Особого Совещания Ленинградского НКВД. Так как никакого обвинения

⁸ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1341. С. 143-144. Автограф.

⁹ Ротштейн Ольга Васильевна, родилась в 1866 (отец, генерал императорской армии, в 1890 — скончался). Окончила гимназию. В 1920-е — проживала в Ленинграде, служила в учреждении. В марте 1935 — выслана из Ленинграда в Вологду на 5 лет.

мне не предъявлено и выслена я только за происхождение, то постановление это я считаю неправильным, т^{ак} к^{ак} в моем происхождении нет ничего, оправдывающего такую жестокую меру, по отношению же к Н. Н. Дорофеевой оно и совсем непонятно, — она мне не родственница, моих родителей и родных никогда не знала.

При выселении нам было обещано сохранение гражданских прав и пенсии и выдача паспортов, но прошло уже около 5 месяцев, а нас все держат здесь на положении ссыльных. Ни пенсии, ни работы мы получить не можем, продали все, что возможно, и дальше не знаем, как существовать.

Зная Вашу отзывчивость, обращаюсь к Вам с просьбой — примите участие в нашем деле, окажите нам помощь для получения паспортов, которые нам срочно нужны, а также посоветуйте, куда и на чье имя нужно обратиться с просьбой о пересмотре нашего дела. Ведь мы, три старухи, оторванные от своего родного города, где родились, прожили и проработали всю жизнь, неминуемо должны погибнуть, оторванные от тех немногих друзей, которые у нас еще остались и которые могли бы оказать нам помощь.

О. Ротштейн.

г^{ород} Вологда,

почта, до востребования. Ольга Васильевна Ротштейн.

Заявление в Главн^{ое} управление милиции СССР, при сем, прилагаю»¹⁰.

Юридический отдел Помполита продолжал хлопоты по освобождению Натальи Николаевны Дорофеевой, но спустя полтора года она все еще была в Вологде. В октябре 1936 — юридический отдел сообщал ей.

<19 октября 1936>

«Гр^{ажданке} ДОРОФЕЕВОЙ Н. Н.

В ответ на В^{аше} обращение сообщая, что заявление Ваше нами получено и передано по назначению. Вновь обещано выяснить возможность удовлетворения В^{ашего} ходатайства»¹¹.

*В 1936 и 1937 — Наталья Николаевна Дорофеева дважды обращалась за помощью в Помполит*¹².

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1341. С. 108. Автограф.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1492. С. 209. Машинопись.

¹² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1492. С. 210-212; Д. 1559. С. 217.